

В эту ночь Гу Сяодун так и не вернулся к Фэнъэню и остальным, чтобы поесть вместе с ними каши из таро. Су Минья уговорил его остаться на ночлег.

Сяодун был до глубины души потрясен этим предложением:

— Я... как же я могу остаться у вас, молодой господин Су?

— Отчего же нет? — Су Минья пригубил лекарство из кубка цветного стекла — невозмутимо и изящно, словно пил благородный чай. — Ты такой хрупкий, а Бамбуковая обитель просторна. Стоит лишь немного прибраться, и для тебя найдется уютный уголок.

Гу Сяодун в замешательстве взъерошил волосы, пытаясь отыскать хоть какую-то зацепку, чтобы вежливо отказаться, но Су Минья на любые его отговорки лишь мягко возражал: «Всё в порядке». Говорил он тихо и ласково, но в этой мягкости крылась непоколебимая воля, противиться которой было невозможно.

Сяодун не стал упрямиться. Он послушно позволил слугам Су Миньи увести себя, чтобы умыться и привести в порядок. Когда он вышел в ночном одеянии, которое пришлось ему точно впору, другие слуги уже успели прибрать для него боковую комнату.

Су Минья тоже закончил с вечерними сборами. Одетый в простую белоснежную рубаху, он сидел за письменным столом, распустив длинные волосы. Стоило ему пошевелиться, как на левом запястье показались два ряда красно-коричневых четок. Сяодун невольно залюбовался им: как он и думал прежде, в этом человеке прекрасным было абсолютно всё, вплоть до тонких очертаний напрягающихся под кожей жил.

— Сяодун, подойди ко мне.

Припадая на подвернутую ногу, Гу Сяодун послушно заковылял к нему. Су Минья слегка похлопал по сиденью рядом с собой, приглашая сесть поближе. Слуга поднес изящную шкатулку. Молодой господин сам открыл крышку: внутри оказалось двадцать пять крошечных отделений, каждое из которых закрывалось отдельной крышечкой с выгравированным названием целебного цветка. Работа была тонкой и удивительно красивой.

— Молодой господин Су, для чего это? — Сяодун, неплохо разбиравшийся в травах, удивленно выдохнул при виде шкатулки. — Эти цветы ведь стоят целое состояние!

— Сядь еще ближе, — негромко кашлянув, Су Минья осторожно коснулся его запястья и придвинул руку Сяодуна к шкатулке. — Обычные безделушки. Выбери те, что понравятся, и собери себе ароматное саше. Если завтра пойдешь на занятия, повесь его на пояс. Увидев герб клана Су, никто в академии больше не посмеет тебя обидеть — все поймут, что ты под моей защитой.

Сяодун замер от неожиданности. А Су Минья тихо рассмеялся:

— Сначала я думал подарить тебе браслет с символикой клана Су — четки или монету-амулет, вроде тех, что ношу сам. Но вспомнил твои слова: ты не любишь украшений, считаешь, что кольца на руках и шее лишь стесняют движения. Так что мешочек с благовониями — самый подходящий выход. Думаю, он не доставит тебе неудобств.

Они сидели совсем рядом, и Сяодун вдыхал тонкий, чуть горьковатый аромат целебных трав, исходивший от Су Миньи. Кончики ушей у него вспыхнули, а в глазах зацепало от подступивших слез. Подавшись ближе, он принялся мягко гладить юношу по спине, помогая тому перевести дыхание после кашля.

— Молодой господин Су, вы правда запомнили мою болтовню? — шмыгнув носом, тихо спросил он.

— Это не болтовня, — Су Минья вложил в его ладонь бирюзовый шелковый мешочек, расшитый гербом клана Су. — Выбирай, малыш.

— Вовсе я не малыш... — пробормотал Сяодун, чувствуя, как ком подступает к горлу. — Может, я даже старше вас...

— Мой день рождения приходится на двадцать девятый день первого месяца, конец весны. Мы ровесники, но твои именины наверняка позже моих. Даже если разница в пару месяцев — я старше. — Су Минья ласково похлопал его по тыльной стороне ладони. — Да и будь ты рожден раньше, в моих глазах ты все равно дитя. Маленький упрямый ребенок.

Слез у Сяодуна брызнули из глаз сами собой. Вся обида и горечь, копившиеся на душе, хлынули наружу безудержным потоком:

— Да я и сам знаю, что глупый! Я ведь как хилый росток, былинка придорожная, в голове лишь мысли о том, как повкуснее поесть да уроки отсидеть, да еще о паре-тройке друзей и родных. Книжки из головы вылетают, навыки забываются... Я ведь куда бестолковее моих кузенов из клана Гу. Кроме четвертого молодого господина Цзинья, мне и поговорить-то не с кем.

— Князь и княгиня — великие люди, и дети у них выросли не по годам серьезными. Я среди них как белая ворона. Я-то думал, в академии соберутся десятки сверстников, и хоть кто-то окажется обычным, простым парнем. И что в итоге? Нормальных ребят я так и не встретил, зато сумасшедших мерзавцев тут пруд пруди!

— Хорошо, что есть вы, молодой господин Су. Вы для меня — как чистый оазис среди этой грязи, благородный и возвышенный. — Сяодун посмотрел на него заплаканными глазами. — Спасибо, что не прогоняете и позволяете мне быть ребенком. Кроме вас и Цзинья, ко мне никто так не относился. Вы оба — самые лучшие люди на свете.

При упоминании Цзиньюя ресницы Су Минья едва заметно дрогнули:

— Ты выделяешь Цзиньюя среди остальных. Неужели ты для него тоже особенный?

Сяодун закивал без колебаний.

— И в чем же это выражается?

— Мое имя, Шаньцин, дал мне именно он.

Сяодун обронил это мимоходом, но Су Минья замер, пораженный услышанным.

«Пожалуй, во всем поместье Гу он единственный, кому я действительно дорог».

Эти слова Сяодун таил в глубине души очень долго, не решаясь никому довериться. Теперь же Су Минья не просто протянул ему руку помощи, но и раскрыл перед ним душу, став самым чутким, понимающим защитником.

— Князь с первой же встречи посчитал меня позором семьи, — Сяодун опустил голову и принялся перебирать пальцами крышечки шкатулки, изливая накопившуюся горечь. — Княгиня относится ко мне наполовину с жалостью, наполовину с пренебрежением. Вторая молодая госпожа считает меня грубияном, наследный княжич — пятном на фамильной чести. Даже самый младший из них, сущий ребенок, и тот воротит нос, считая неотесанной деревенщиной. А уж про академию и говорить нечего. Молодой господин Гуань Юньцзи — яркий тому пример. Для него я — лишь грязное пятно на репутации клана Гу, ничтожество из низов, пробравшееся в знатный род ради наживы...

Су Минья молча любовался его тихой печалью. Дождавшись, пока Сяодун выговорится и бессильно притихнет, он мягко спросил:

— Получается, мнение родни задает тебя гораздо сильнее, чем нападки чужаков в академии?

Сяодун смущенно кивнул:

— Да...

— Если ты так жаждешь их признания, почему бы тебе не стать похожим на Цзиньюя? — Су Минья прищурился. В его голове зародилась мысль о забавной игре, которая могла бы изрядно досадить заносчивому четвертому молодому господину. — Твой четвертый кузен славится безупречной внешностью, но в этом ты ему ничуть не уступаешь. Он начитан, умен, искусен в словесности и боевых искусствах. Если ты переймешь хотя бы часть его манер, семья

непременно изменит к тебе отношение. Не нужно копировать его во всем — хватит и малой толики сходства.

Сяодун, вопреки ожиданиям, воспринял этот совет совершенно серьезно. Его ладонь соскользнула со шкатулки и сжалась в крошечный упрямый кулак:

— Я тоже так думаю! Стань я хоть немного похож на Цзинъюя, эти негодяи в академии поостереглись бы распускать руки!

Су Минъю позабавила эта детская наивность, но в то же время его укололо то благоговение, с которым Сяодун отзывался о кузене.

«Какая слепая преданность... Даже слушать противно».

— Но как мне ему подражать? — Сяодун понуро вздохнул и покачал головой. — У меня ведь весь день расписан по минутам. Порой и самим собой оставаться нелегко, где уж тут чужую роль играть...

— Твоя нога повреждена, так что занятия по боевым искусствам тебе пока противопоказаны, — Су Минъю пристально посмотрел на него. Желание развлечься взяло верх над мимолетным недовольством. — Проводи свободные часы здесь, в Бамбуковой обители. Времени у тебя теперь будет достаточно.

Глаза Сяодуна радостно блеснули. Су Минъю опустил взгляд на юношу, чье лицо в теплом сиянии светильника казалось удивительно живым, а глаза сияли ярче пламени на фитиле. В сердце хозяина обители что-то дрогнуло.

«Даже если не задумываться о выгоде, просто держать этого забавного мальчишку подле себя — уже прекрасное развлечение».

А ведь все лучшие вещи в этом мире всегда начинаются с простого любопытства.

В Бамбуковой обители Гу Сяодуну спалось на редкость спокойно. Он и не подозревал, что из-за него кое-кто этой ночью так и не смог сомкнуть глаз.

На следующее утро, повесив на пояс ароматное саше, он, припадая на раненую ногу и опираясь на плечо слуги, медленно покинул Бамбуковую обитель.

Из-за вчерашней пакости, устроенной скрывавшимися в тени обидчиками, лодыжка распухла еще сильнее. Теперь каждый шаг давался с трудом, и Сяодуну приходилось то и дело

останавливаться. Су Минья еще на рассвете заметил, как тот побледнел от боли, и лично распорядился принести лучшие мази и снадобья. И хотя Сяодун знал, что его телу обычные лекарства помочь не в силах, на душе у него потеплело.

«Лекарства бессильны против этой боли, но радость лечит любые раны».

С трудом ковыляя рядом с Су Миньей, Сяодун все равно умудрялся без умолку болтать и беззаботно улыбаться. Но стоило им выйти на тропу, как навстречу попалась стайка учеников. При виде Сяодуна их лица мгновенно исказились от досады, однако перед Су Миньей им пришлось склониться в почтительном поклоне. Их натянутые улыбки выглядели до крайности жалкими.

Сяодун впервые в жизни на собственной шкуре прочувствовал, что значит поговорка «собака сильна своим хозяином». Сравнение, конечно, было не самым лестным, но лучшего выражения для своего положения он подобрать не мог. Было и смешно, и немного неловко.

Впрочем, все эти сомнения за секунду затмило одно простое и ясное чувство.

«Какая же красота!»

Если бы он послушался наставлений Цзиньюя и пошел на поклон к этому напыщенному гусю Гуань Юньцзи, тот, возможно, и снизошел бы до защиты ради друга, но непременно извел бы Сяодуна ядовитыми насмешками.

Разве сравнится это с нынешним блаженством? Он и к прекрасному затворнику стал ближе, и спесь со здешних чистоплюев сбил. Настоящая благодать!

Именно с таким сияющим от счастья лицом он и столкнулся с Гэ Дунчэнем.

Сегодня в академии творилось что-то странное: все ученики явились в лекционный зал задолго до начала занятий. Бамбуковая обитель находилась совсем рядом, поэтому Су Минья обычно приходил самым последним, неторопливо рассчитывая время. Но сегодня ради своего хромого спутника он вышел гораздо раньше. Каково же было их удивление, когда они обнаружили, что все равно оказались последними... точнее, последней парой.

Более того, на месте Сяодуна в самом конце зала развалился Гэ Дунчэнь, лениво подперев голову рукой и глядя в окно.

— Сяодун, кажется, Дунчэнь ждет тебя, — негромко шепнул Су Минья, выведя погруженного в свои мысли Сяодуна из оцепенения.

— А? — Сяодун, который всю дорогу беззастенчиво любовался своим спутником, вздрогнул и повернул голову, встретившись взглядом с Гэ Дунчэнем.

На губах Гэ Дунчэня играла привычная, открытая улыбка, но даже на расстоянии нескольких шагов Сяодун отчетливо уловил исходившее от него тяжелое, ледяное раздражение.

— Молодой господин Гэ? — Сяодун доковылял до своего стола и с любопытством уставился на него. — Почему вы заняли мое место?

При посторонних он предусмотрительно избегал называть его «братом Дунчэнем», чтобы не давать повода для сплетен.

Гэ Дунчэнь окинул его взглядом с ног до головы. Его глаза на мгновение задержались на бирюзовом саше с гербом Су, висевшем на поясе Сяодуна. Медленно, с едва заметной усмешкой, он поднялся со скамьи, нависнув над юношей грозной тенью:

— Да так, пустяки. Просто подумал, что с последнего ряда открывается на редкость занимательный вид. — Дунчэнь прищурился и перевел взгляд на стоявшего неподалеку Су Минью. — Не находишь, Минья?

Су Минья ответил безупречно мягкой улыбкой:

— Действительно, вид замечательный.

Несмотря на утреннее летнее тепло, Сяодун вдруг почувствовал странный озноб. Он недоуменно потер плечи, не понимая, почему эти двое вежливо улыбаются друг другу, хотя воздух между ними буквально звенел от напряжения, словно перед нешуточной дракой.

Пока он напряженно пытался разобраться в происходящем, из-за спины донесся знакомый, раздраженный голос молодого господина Гуаня:

— Какой бы живописной ни была галерка, она так и останется последним рядом. Дунчэнь, идем. Тебе здесь не место!

Сяодун обернулся к внезапно появившемуся Гуань Юньцзи и наткнулся на его яростный, испепеляющий взгляд. Под глазами упрямого юноши залегли темные тени — верный признак очередной бессонной ночи, отчего и характер его сделался совсем невыносимым. Сяодун рассудил, что лучше промолчать и не навлекать на себя лишний гнев.

Гуань Юньцзи помедлил секунду. Видя, что его ярость наткнулась на глухую стену молчания, он окончательно вышел из себя. Резко развернувшись, он промчался мимо Сяодуна к выходу, едва не сбив хромого юношу с ног.

Су Минья вовремя подхватил Сяодуна под локоть и, ободряюще коснувшись его плеча, негромко произнес:

— Твоя левая нога еще слаба. Потерпи до полудня, а после занятий сразу возвращайся в Бамбуковую обитель.

Сяодун понял, что Су Минья намеренно выказывает ему свое покровительство перед всеми учениками, и поспешно кивнул в знак согласия.

Но стоило ему ответить, как лицо Гэ Дунчэня мгновенно потемнело. Круто повернувшись, он стремительно вышел вон, шурша полами одеяний.

Сяодун растерянno захлопал глазами.

Он в недоумении взъерошил волосы на затылке. С чего бы всегда дружелюбному брату Дунчэню так злиться? Поразмыслив, он списал все на дурное влияние вспыльчивого Гуань Юньцзи.

Несмотря на странности товарищей, Сяодун честно пытался сосредоточиться на уроках, преодолевая ноющую боль в ноге. Но мысли то и дело уносили его вперед, к сидящему за первыми столами Су Минье. В конце концов он открыл свою потайную тетрадь и вывел на чистой странице:

«Тринадцатый год эры Небесного Предначертания, первый день шестого месяца. Я остался на ночь в Бамбуковой обители. Пользуясь собственной бесстыдностью и немощью, я сумел приблизиться к небесному небожителю, сошедшему с картины. На душе у меня легко и радостно.

Молодой господин Су Минья подобен сияющей луне на чистом небе, подобен свежему весеннему ветру. Мы сверстники, но между нами лежит непреодолимая пропасть».

Лодыжка Сяодуна заживала медленно — на восстановление требовалось не меньше двух недель. Четвертого дня шестого месяца Су Минья настоял, чтобы юноша окончательно перебрался в Бамбуковую обитель: отсюда до лекционного зала было рукой подать, да и риск усугубить травму сводился к минимуму.

Сяодун пытался вежливо отнекиваться, но его протесты не продлились и четверти часа. Слуги Су Миньи просто усадили его к себе на плечи и без лишних церемоний перенесли в обитель.

Фэнъэнь препятствовать не стал. Он лишь почтительно поклонился им вслед и громко произнес:

— Молодой господин, когда ваша нога полностью поправится, верный слуга вернется, чтобы проводить вас обратно.

Сяодун и представить себе не мог, что это несчастье обернется для него невероятной удачей. Череда нелепых случайностей привела к тому, о чем он не смел и мечтать — он поселился под одной крышей с самим Су Миньей!

Он боялся, что во сне у него от счастья глупая улыбка не сходит с лица. В первый же день на новом месте Сяодун задремал под мягким свечением лунных медуз, а проснулся под чарующие, протяжные звуки флейты Су Миньи. Все происходящее казалось ему настолько прекрасным, что он то и дело сомневался, не грезится ли ему это наяву.

Они подолгу беседовали. Точнее, говорил в основном Сяодун, безудержно делясь каждой мелочью, а Су Минья лишь изредка подавал голос. Однако в его кратких ответах никогда не чувствовалось пренебрежения — он слушал внимательно и мягко улыбался.

Поначалу Сяодун то и дело с тревогой переспрашивал:

— Молодой господин Су, я ведь постоянно кручусь у вас под ногами. Неужели я совсем не докучаю вам своей болтовней и не доставляю хлопот?

Су Минья неизменно качал головой:

— Глупый ребенок не может докучать. Ты не доставил мне никаких забот, напротив, с твоим появлением в этих стенах стало куда веселее.

Каждый раз, когда в устах хозяина обители звучало ласковое «малыш», сердце Сяодуна испуганно замирало, а стоило юноше подарить ему хотя бы мимолетную улыбку, как в груди словно рассыпался праздничный фейерверк, взрываясь сотнями восторженных искр.

С каждым днем лодыжка Сяодуна крепла, а невидимые границы между ними таяли. Сяодун все больше привязывался к своему покровителю. К его неумейной болтливости добавилась детская, ласковая навязчивость, которую он так долго держал в узде.

Вечером тринадцатого дня шестого месяца Су Минья сидел у окна с кистью в руках. На его свитке оживали алые, как кровь, закатные облака, колышущийся волнами бамбуковый лес и парящие в вышине птицы, держащие в клювах цикад.

Сяодун преданно сидел на корточках рядом, затаив дыхание. Время от времени он помогал растирать тушь и разводить краски, а его взгляд сиял с таким неприкрытым восторгом, словно он готов был рассыпать россыпь искрящихся звезд прямо на сохнувший шелк.

Обычно Су Минья творил в полном уединении и сосредоточенности, но сегодня его внимание то и дело рассеивалось. Сделав несколько легких штрихов на бумаге, он шутливо коснулся кончиком влажной кисти тыльной стороны ладони Сяодуна. Сяодун ничуть не обиделся. Он лишь озорно перевернул ладонь и спросил:

— А где рисовать красивее — на ладошке или на запястье?

Впрочем, краска осталась и там, и там.

Когда свиток был завершен, Су Минья осторожно взял Сяодуна за руку и приподнял широкий рукав его рубахи. Одним плавным, виртуозным движением кисти он вывел на его коже изящную ветвь увядающего цветка, протянувшуюся от пальцев к запястью.

Он сосредоточенно закончил рисунок, не поднимая глаз. При их первой встрече Сяодун протянул ему увядший цветок, который тогда упал на землю. Теперь же этот цветок наконец обрел свое место.

Закончив рисовать, Су Минья расслабился и тут же негромко закашлялся. Сяодун привычным движением придвинулся ближе и принялся аккуратно массировать нужные точки на его спине. Он так увлекся, что когда кашель утих и Су Минья взял его за руку, они увидели, что хрупкий цветок на коже уже расплылся от неловких прикосновений.

Но Сяодун все равно с гордостью рассматривал свою ладонь, восторженно восклицая:

— Молодой господин Су, у вас невероятный талант! Стань вы художником, ваши картины покупали бы за тысячи золотых!

Су Минья лишь мягко усмехнулся:

— С чего бы мне становиться простым ремесленником? Это лишь забава для души, не стоит принимать ее всерьез.

Сяодун невольно вспомнил о Цзиньюе. Тот действительно любил живопись, хоть и не обладал столь выдающимся даром. Однако в клане Гу изящные искусства считались пустой тратой времени, ведущей к упадку духа, поэтому Цзиньюй давно оставил кисть.

«Интересно, выпустили ли его уже из затворничества?»

Пока он предавался воспоминаниям, Су Минья негромко спросил:

— Сяодун, если бы ты мог сам выбирать свою судьбу, кем бы ты хотел стать в будущем?

Слово «коробейник» едва не сорвалось с языка Сяодуна. Вовремя опомнившись и испугавшись, что столь прозаичная мечта рассмешит утонченного собеседника, он смущенно озвучил свое второе желание:

— Пожалуй, лекарем. Не смею надеяться, что смогу спасти безнадежных больных, но облегчать чужие страдания мне было бы под силу.

— Лекарем?.. — Су Минья грустно улыбнулся. — Сколько себя помню, люди этой профессии вызывали у меня лишь отторжение.

Сяодун испуганно прикусил язык. Для человека со столь хрупким здоровьем лекари наверняка ассоциировались с бесконечной болью и горькими отварами, а он так неловко задел эти воспоминания:

— Простите меня, молодой господин Су... Вы и сейчас их недолюбливаете?

— Теперь мне уже все равно, — Су Минья спокойно пожал плечами. — Когда мне исполнилось пять, наш домашний лекарь уверял всех, что я не доживу до семи. Когда мне минуло семь, дворцовые целители качали головами и пророчили мне смерть до десяти лет.

— Сплошные шарлатаны! — возмутился Сяодун, у которого даже брови поползли вверх от гнева.

— В этом году на мои именины отец пригласил прославленного странствующего целителя из долины Божественных Лекарей. Тот осмотрел меня и вынес приговор: мне не перешагнуть порог семнадцатилетия. Следом за ним явился какой-то монах-прорицатель, заявивший, будто мне суждена долгая жизнь и великое благословение. — Су Минья негромко рассмеялся. — Я не верю ни тем, ни другим.

Сяодун порывисто схватил его за прохладные ладони:

— Верьте прорицателю! Вы обязательно со всем справитесь. Вы будете жить долго, счастливо и безмятежно, сможете играть на флейте сколько душе угодно и делать все, что пожелаете!

От этих горячих слов Су Минья снова зашелся в тихом кашле, заставив Сяодуна взволнованно засуетиться вокруг. Наконец, успокоившись, он мягко коснулся ладонью макушки Сяодуна:

— Ты хочешь врачевать, но в вашей семейной школе этому не учат. Как же ты исполнишь свою мечту?

— Сейчас негде, но когда-нибудь я обязательно найду учителя, — Сяодун ласково прижался щекой к его ладони. — Я выучу все тайны медицины и лично излечу вас, молодой господин Су.

Су Минья тепло улыбнулся. Его пальцы, которые всегда оставались прохладными, мягко скользнули по волосам Сяодуна и опустились к его щеке, нежно оглаживая ее, словно лаская домашнего питомца:

— Тебе бы для начала научиться подражать Цзинью. Это принесет плоды гораздо быстрее.

— А я уже тренируюсь, — Сяодун расплылся в улыбке. На его левой щеке показалась очаровательная ямочка. Справа ее не было, и эта асимметрия придавала ему трогательный, незащищенный вид. Су Минья залюбовался этой ямочкой, испытывая странное желание прижать ладонь к его щеке, но сдержался, застыв, словно перед незаконченным холстом.

Сяодун доверчиво склонил голову, прижимаясь к его ладони, и прикрыл глаза:

— Оказывается, его повадки так прочно засели у меня в памяти, что мне даже учиться не надо. Дайте мне совсем немного времени, и я смогу скопировать его до мельчайших деталей.

Он на мгновение сосредоточился. Радостная улыбка сошла с его лица, сменившись натянутой, холодной гримасой. Сяодун распахнул глаза: его взгляд сделался безразличным и утомленным, а уголки губ изогнулись в презрительной, едва уловимой усмешке. В одно мгновение на его лице проступило то самое высокомерное выражение, которое было визитной карточкой четвертого молодого господина Гу.

Су Минья опешил — сходство оказалось настолько поразительным, что он инстинктивно отдернул руку, словно обжегшись. Милое, нежное лицо Сяодуна в мгновение ока сделалось ему глубоко неприятным. Су Минья в очередной раз убедился: даже самая безупречная красота увядает и становится отталкивающей, стоит примерить на себя маску Гу Цзинью.

«Его душа насквозь отравлена ядом. Одно его присутствие оскверняет всё вокруг».

— Молодой господин Су, ну как, похоже? — Сяодун тут же вернул свое обычное лицо и весело показал большой палец. — Я могу повторить его жесты и походку, но это лишь внешнее подражание. До его ума и выдающихся способностей мне за всю жизнь не дотянуться.

«Похоже. Но больше так не делай».

Су Минья промолчал. В его душе всколыхнулось глухое соперничество, и он негромко спросил:

— А меня ты сможешь скопировать?

Сяодун уже открыл было рот, собираясь весело выдать привычное «конечно», но вовремя осекся. Посерьезнев, он покачал головой:

— Сейчас — нет. Мне нужно еще очень долго наблюдать за вами, молодой господин Су. Смотреть издали и вблизи, разглядывать со всех сторон, следить за каждым вашим движением изо дня в день, из месяца в месяц. Только если я буду неотрывно изучать вас годами, у меня, быть может, что-то и получится.

От этого настойчивого «смотреть» и от того, как преданно Сяодун заглядывал ему в глаза, сердце Су Миньши дрогнуло. Этот мальчишка бывал неловким, но порой проявлял поразительную хитрость.

«Определенно, он — редкая находка».

Су Миньша слегка наклонился, ловя его взгляд, и с нежностью, которой сам не осознавал, тихо произнес:

— Что ж, тогда смотри сколько душе угодно.

Сяодун замер, вглядываясь в его лицо, а затем забавно прижал руки к груди, притворяясь, будто его сердце пронзила невидимая стрела.

Как только на поясе Сяодуна появился ароматный мешочек с гербом клана Су, издевательства прекратились как по волшебству. Исчезли не только подлые нападения из-за угла, но и грязные сплетни, что прежде преследовали его по пятам. И хотя взгляды, которыми его теперь провожали ученики, становились все более двусмысленными и настороженными, он наконец оказался в полной безопасности.

Но у этой медали была и обратная сторона. Как и обещал Су Миньша, вызвавшийся стать его единственным заступником, теперь у Сяодуна действительно не осталось никого, кроме прекрасного затворника.

Остальные ученики его не заботили, но даже Гэ Дунчэнь и Гуань Юньцзи отделились. Дунчэнь больше не выказывал прежнего дружелюбия и радушия; теперь он лишь молча наблюдал за Сяодуном с вежливой, но холодной полуулыбкой, в которой сквозила затаенная обида. Что касается Гуань Юньцзи, тот и вовсе ходил чернее тучи, глядя на Сяодуна так, словно тот задолжал ему целое состояние.

Сяодун искренне не понимал, какая муха их укусила.

«И чего они дуются? Ходят с такими кислыми минами...»

Былая дружба, скрепленная хмельным вкусом вина из зеленой сливы, испарилась без следа, словно стремительный отлив, обнаживший холодные камни.

Сяодун долго ломал над этим голову. Его терзало искреннее сожаление, и, не в силах держать мысли при себе, он принялся оживленно рассказывать обо всем Су Миньше, активно размахивая руками и забавно кривляясь.

Су Минья лишь мягко улыбался в ответ. Он протянул руку и ласково коснулся его шеи сзади, прохладными пальцами оглаживая почти сошедший след от укуса:

— Не горюй. Какое тебе дело до их молчания, если у тебя есть я? Сегодня вечером я сам составлю тебе компанию и разделю с тобой вино из зеленой сливы.

Сяодун отчаянно замотал головой:

— С вашим недугом алкоголь строго противопоказан!

— Малышу можно, ведь малыш этого хочет, — Су Минья мягко положил ладонь ему на макушку, заставляя замереть. — Я пить не стану, буду лишь присматривать за тобой.

— Но я ведь быстро хмелею.

— А я останусь трезвым и позабочусь о тебе.

Сяодун поначалу и не думал о выпивке, но после этих слов его сердце наполнилось такой нежностью и сочувствием к юноше, что он уступил. Ему показалось, что Су Минья в глубине души тоскует по простым радостям, которых лишен из-за болезни, и Сяодун согласился, решив порадовать его.

Поздним вечером они устроили весьма своеобразное застолье. Сяодун мелкими глотками потягивал сладкое сливовое вино, а Су Минья с невозмутимым видом запивал свои горькие снадобья, словно это был изысканный чай. Эта картина выглядела куда более странной и чарующей, чем недавняя попойка в компании Гэ Дунчэня и Гуань Юньцзи.

Сяодуну от этой нелепости становилось все веселее. Он то и дело легонько сталкивал свой кубок с пиалой Су Миньи и тихонько хихикал без всякой причины. Хмель мягко окутывал его разум, увлекая в сладкое забытие, похожее на прекрасный сон.

Но в самый разгар их уединения из-за двери донесся почтительный голос слуги:

— Молодой господин, к вам с визитом прибыл четвертый молодой господин Гу.

Хмель из головы Сяодуна выветрился в одно мгновение. Вся благопристойность и изящные манеры, которые он так старательно перенимал у Су Миньи последние дни, испарились без следа. Забыв про больную лодыжку, он с силой грохнул кубок о стол, вскочил со скамьи и со всех ног бросился к выходу.

Шестнадцатый день месяца славился тем, что луна в эту ночь круглее, чем в полнолуние. Сяодуну некогда было поднимать голову к небу — он не знал, завершился ли лунный цикл, но

видел, как весь двор залит ровным, призрачным светом.

Гу Цзиньюй стоял во внутреннем дворике под сенью цветущих глициний. Его плечи были припорошены лунным серебром, а темные глаза тускло мерцали в полумраке, напоминая болотные огни.

Сяодун буквально скатился по ступеням крыльца, задыхаясь от безумной радости:

— Сэньцин!

Он хромал и петлял, но его сердце стремилось к другу по самой прямой дороге.

С разбегу налетев на Гу Цзиньюя, он уже готов был заключить освобожденного из заточения друга в крепкие объятия, однако тот сделал холодный шаг назад и жестко уперся ладонью ему в плечо, не позволяя приблизиться.

— М? — Сяодун шумно дышал, глядя на него снизу вверх. Хмель от вина из зеленой сливы все еще туманил разум, но тело отреагировало быстрее мыслей: из глаз безудержно покатились слезы облегчения.

Цзиньюй хранил ледяное молчание, но Сяодун отчетливо ощущал, как тот бледен от едва сдерживаемого гнева.

До его захмелевшего ума наконец дошло. «Конечно, — подумал он, — Цзиньюй имеет полное право злиться». Ведь тот не раз строго-настрого наказывал ему держаться подальше от Су Миньи. Но как он мог устоять? Ведь это был тот самый молодой господин Су — прекрасный, утонченный юноша, занявший все его мысли с первой же встречи.

Сяодун крепко сжал кулаки, пытаясь собраться с духом. Ситуация, когда лучший друг терпеть не может твоего возлюбленного, казалась неразрешимой, но он верил, что если приложить немного усилий, все обязательно наладится.

Не успел он вымолвить и слова, как Цзиньюй заговорил сам — его голос звучал глухо и надтреснуто:

— Гу Сяодун, управляющий Чжу уверяет, будто ты переметнулся к Су Минье, а вся академия твердит, что ты стал моей жалкой копией. Скажи мне наконец: на чьей ты стороне?

Сяодун окончательно запутался:

— Чего?..

Его мысли путались, и он никак не мог взять в толк, с чего вдруг все решили, будто он подражает кузену. В этот момент в его затуманенной голове всплыла старая нелепая поговорка: «Друг — как рука или нога, а жена — как одежда».

«Получается, Цзиньюй ставит меня перед выбором: остаться калекой или разгуливать нагишом?»

От этой мысли ему стало безумно смешно.

Пальцы Цзиньюя, сжимавшие его плечи, напряглись сильнее, причиняя легкую боль. Наконец он глухо выдохнул:

— Я умываю руки. Делай что хочешь. Мне больше нет до тебя дела.

<http://bllate.org/book/20609/2173118>